

собою образованной лексики, а также в область семантического словообразования.

Литература

1. Пономарев В.М. К истории сложных слов в русском языке // Доклады и сообщения Института языкозн. АН СССР. – М., 1953.
2. Всеобщая история о мореходстве. Т.1. Тип. Морского корпуса, 1801. – 259 с.
3. Поликарпов Ф. Лексикон трехязычный сиреч речений славенских, еллиногреческих и латинских. Москва, 1704
4. Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1790, 1792–1794.
5. Словарь русского языка: В 4-х т. 2-е изд. Испр. и доп. Т.1. А-Й. М.: Рус. яз., 1981. – 698 с.
6. Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л.: Наука, 1984. – 144 с.

ПРЕДИКАТЫ СОСТОЯНИЯ

К.Г. КРАСУХИН, профессор кафедры русского языка и литературы МГУЛа, д. филол. н.

Состояние¹ – суперкатегория, объединяющая ряд категорий предикатов, в которых имплицитное время присутствует потенциально. Это означает, что в возможном мире высказывания с субъектом изменений не происходит, но может произойти в момент, предшествующий времени, о котором идет речь или последующий за ним. В естественных языках эта особенность категории состояния проявляется в том, что каждому предикату состояния, независимо от того, какой частью речи он выражен, может быть сопоставлен глагол, обозначающий достижение субъектом этого состояния.² Классификация состояний основана на соотношении внешних и внутренних факторов, определяющих субъект. По этому основанию можно выделить следующие типы состояний: внешнее состояние, или положение; внутреннее состояние, душевное и телесное (обусловленное внешним воздействием и необусловленное); внутреннее состояние по отношению к внешнему фактору, или состояние = обладание; внутреннее состояние, являющееся следствием внешнего воздействия, или претерпевание; внутреннее состоя-

ние, являющееся причиной возможных действий субъекта, или потенция, или диспозиция.

1. **Предикаты, обозначающие основные позы и положения тела:** *стоять, сидеть, лежать*; им могут быть сопоставлены глаголы *вставать, садиться, ложиться*. Эти предикаты имплицитно подразумевают положение субъекта в пространстве, поэтому при наличии локационных обстоятельств на них падает основная семантическая нагрузка: *Гости – в саду* → *Гости сидят в саду*; *Мальчик – в кровати* → *Мальчик лежит в кровати*. Поэтому предложения локации иногда омонимичны предложениям положения. Различать их можно с помощью подстановки: в предложениях положения предикаты в принципе взаимозаменяемы (*Гости стоят, сидят, лежат в саду*), в предложениях же локации – нет: *Город лежит в низине* – **Город стоит/сидит в низине*; *Статуя стоит на пьедестале* – *Статуя сидит на пьедестале* – **Статуя лежит на пьедестале*. Здесь наблюдается следующая закономерность: в предложениях локации стоять можно на возвышенности, лежать – на низменности; сидеть же – исключительно глагол положения. Следовательно, предложения *Статуя стоит на земле* и *Статуя лежит на земле* должны рассматриваться как предложения положения, так как оба они правильны.

¹ Продолжение работы «Опыт универсальной классификации предикатов». Первая часть с подзаголовком «Предикаты бытия» опубликована в «Лесном вестнике», 2001 г.

² Эти глаголы (так называемые терминативные) могут обозначать как действие, контролируемое субъектом, так и неконтролируемый процесс.

2. **Предикаты внутреннего состояния.** Это большая группа предикатов, которую по ряду семантических критериев можно разделить на несколько подгрупп. Прежде всего, это отмеченное Ю.С. Степановым (Степанов 1989) противопоставление предикатов физического и духовного состояния. Первые обозначают физические ощущения субъекта: *Я болею/болен/здоров, мне холодно/тепло*. Предикаты духовного состояния, сочетающиеся только с одушевленными субъектами, обозначают духовные, т.е. существующие только в сознании субъекта субстанции: *(мне) весело/, грустно, я доволен, я радуюсь/огорчаюсь*. Можно предложить несколько другой критерий разграничения: субъективные и объективные состояния. Для их различения удобно пользоваться тестом эпистемического опровержения: *он думает, что он..., но это не так*. Ср.: *Он считает, что он болен, но это не так* (объективное внутреннее состояние); **Он считает, что он грустен, но это не так* (фраза обесмысливается, поэтому предикат грустен определяется как субъективное внутреннее состояние); **Он считает, что у него болит рука, но это не так* (аналогично). Таким образом, состояния тела могут быть объективны и субъективны, состояния духа, по-видимому, только субъективны.³

Предложения внутреннего состояния играют совершенно особую роль в грамматической системе языка. Во-первых, они легко образуют безличные предложения (тем самым выявляя на грамматическом уровне семантическое рассогласование субъекта и предиката), во-вторых, предложения с этими предикатами во многом являются переходными от именных к глагольным: в них предикат может быть выражен как глаголом, так и именем, причем подстановка может не менять ни синтаксической конструкции, ни смысла предложения. Так, высказывание *Я болею* отличается от *Я болен* только тем, что глагол указывает на от-

ношение события к моменту речи, а прилагательное – нет. Но и это различие элиминируется при введении темпорального слова, и высказывания *Я сейчас болен* и *Я сейчас болею* отличаются друг от друга только морфологической формой предиката.

Переход предложений внутреннего состояния в безличное означает, что субъект этого предложения переходит в косвенный падеж. Падеж зависит от семантики субъекта и его соотношения с предикатом. В нераспространенном предложении глагольный предикат заменяется на наречие, которое ряд русистов (В.В. Виноградов, Н.С. Пospelов) именуют «категорией состояния» (Виноградов 1972; Пospelов 1990; против см. Исаченко 1965), субъект – одушевленное лицо переходит в детальный падеж: *я болею – мне больно, я голоден – мне голодно, я страшусь – мне страшно* и т.д. Безличным предложениям этого типа свойственна большая конкретность, чем личным: *Я голодаю* может обозначать общее состояние (*Я недоедаю*), а *Я голоден* – всегда конкретно (ср. *Население голодает; Население голодное – Населению голодно*). Это вообще свойство безличных предложений, выражающих не только состояние, но и категории. Так, бытийное локационное отрицательное предложение *Отец не был на море* допускает два толкования: (1) *Отец никогда не был на море*; (2) *Отец (в определенный момент) не был на море*. Безличное предложение *Отца не было на море* допускает только интерпретацию (2) (ср. Козинцева 1991). Очевидно, внутреннее состояние, более ярко выраженное в безличных предложениях, в силу отсутствия в нем имплицитного времени, регулирующего его начало и конец, нуждается во внешней временной соотнесенности.

Несколько иначе ведут себя распространенные предложения внутреннего состояния. Распространенность таких предложений заключается в том, что, помимо субъекта состояния, в таком предложении появляется термин, локализирующий это состояние: *Я болею горлом; Иван страдает душой*. Здесь возможны следующие трансформации: /а/ субъект и предикат изменяются, как в не-

³ Возможное исключение из этого правила – предикат *любить*: «Люблю ли тебя, я не знаю // Но кажется мне, что люблю» (А.К. Толстой).

распространенном предложении, распространитель переходит в винительный падеж и становится как бы объектом некоей внешней силы: *мне горло больно*. Поэтому в таких конструкциях достаточно часто употребляются глаголы действия, и именно их безличность позволяет квалифицировать глаголы действия в данном случае как показатель состояния. Ср. *Мне руку ломит и Сила солому ломит*. /Б/ При имперсонализации субъекта он трансформируется в конструкцию «у + род. п.», которая выражает посессивные отношения (см. ниже); соответственно локализатор может трансформироваться двояко: либо в местный падеж («в + предложный падеж»), который в этом случае реализует подлинную функцию локализатора (*у меня болит в горле*), либо в именительный падеж, выступающий здесь как субъект состояния, либо в винительный падеж, как в предложениях с дативом (*у меня голова болит*) (*у меня болит горло*). Субъект-посессор в таких случаях легко устраним (*горло болит*; *в горле болит*). Поэтому такие предложения могут быть легко сопоставлены с теми, в которых есть только один субъект состояния, являющийся по сути его локусом: *Комната холодна*; *В комнате холодно*. Субъект-локус также устраним; высказывание *Холодно* отличается от вышеприведенных, но не является ущербным ни синтаксически, ни семантически (ср. Степанов 1990). Все это имеет очень большое значение для анализа омонимических синтаксических конструкций. Так, при наличии предиката, выраженного агентивным глаголом, отсутствие субъекта или возможность трансформации его в локатив определяет предложение как предложение состояния. Ср. *Человек (ружье) стреляет* – **В человеке (в ружье) стреляет*; но: *Мотор стреляет* – *В моторе стреляет*.

Имперсонализация предложений состояния в русском языке находит явные параллели в других индоевропейских языках, например, в латыни. Здесь субъект переходит в косвенные падежи и устраняется при так называемых глаголах ощущения *dolere/ri* «страдать», *fallere* «обманывать», *licere/ri* «быть угодным (всего 12 глаголов, см. Rosen

1982). Рассматривая личные и безличные формы конструкций с этими глаголами, Х. Розен устанавливает 17 различных синтаксисов в зависимости от лица и залога глагола, падежа субъекта, локализатора и/или побудительной причины чувства⁴. Для нас важны следующие обстоятельства. Во-первых, падеж субъекта легко переходит в accusativ и dativ: *me fefelit hosce id struere* (Теренций, Самоистязатель, 514) «меня обмануло, что они это строят (= я напрасно поверил, что они это стоят)». Во-вторых, в косвенный падеж переходят и локализаторы, ср. встречающуюся у Лукреции формулу *pes me (acc.) animi (gen) fallit* (О природе вещей, 1, 136; 922; и т.д.). Не обманывает меня в душе (= я не обманываю в душе). Весьма интересен пример, где локализатор представлен как объект: *Uterum (acc) dolet!* (Плавт, Клад, 691) «Живот больно!» (кричит рожающая героиня). Такая конструкция интересна двояко: с одной стороны, локализатор здесь употребляется субъекту (ср. *dolet pudetque Graium me (acc) vero et piget* (Акций, 471) мне, греку, мучительно, стыдно и тяжело), с другой – они типологически очень близки к аналогичным литовским; *uterum dolet* можно перевести на литовский с сохранением управления: *pilva (acc) skauda*. В-третьих, полная устранимость субъекта, преобразование безличного предложения в односоставное возможно и в латыни: *quid nunc: dolethe?* (Плавт, Псевдол, 155) «Как теперь – не грустно ли?». В-четвертых, активные формы безличных глаголов легко переходят в медиопассивные: *cepisti me istoc verbo? miseretur tui* (Gfredbq? 354) «ты покорил меня этими словами, жаль тебя». Ср. в русском такие конструкции, как *мне взгрустнулось*, *мне спится*.

⁴ Отсутствие места не позволяет подробно остановиться на интересной работе Х. Розена. Однако следует заметить, что ряд ее положений внушает сомнения. Так, спорен тезис о позднем происхождении безличных конструкций: представленный материал не дает оснований для такого заключения. Удивительно, что Х. Розен не делает различия между локализатором и причиной состояния. Поэтому его интерпретация требует корректив.

Что же касается связи глагольного и именного предложений, то она устанавливается не только на содержательном, но и формальном уровне. Так, в литовских безличных конструкциях, выражающих внутреннее состояние, наречие и глагол имеют одинаковое управление, маркируются одним и тем же (нулевым) аффиксом: *man (galva) skauda* «мне (голову) больно» (глагол) – *man salta* «мне холодно» (наречие). Наречие и глагол могут быть и однокоренными: *cia/ciandien sal-a* – *cia/ ciandien sal-ta* «здесь/сегодня морозит – здесь/сегодня холодно». Е. Курилович (Kurylowicz; 1956; 1964) полагал, что в основе главной категории состояния в системе индоевропейского глагола – перфекта – лежит отглагольное прилагательное. Литовский материал наглядно показывает эту связь. Такие прилагательные обладали нулевым окончанием; позднее они вошли в глагольную парадигму, их же функцию приняли на себя стативно-пассивные прилагательные на *-to-*. Их связь также подтверждают приведенные литовские формы: *sala* реконструируется как *kole/o*, *salta* < *kol-to*.⁵ Прилагательное *saltas*, соответственно наречие *salta* не являются пассивами к глаголу *salti*. Но состояние здесь могут выражать и настоящие пассивные причастия: *jam bu vo pikta* «ему было досадно» (*pykti* «сердить»); *buvo karsta* «было жарко» (*karstinti* «нагревать»). Если же предложения с активным глагольным сказуемым трансформируются в пассивные, то субъект из номинатива преобразуется в генитив: *tevas miego* «отец спал» – *tevo mitgta* дословно «отца спано». Пассивизация предложений состояния – явление, сходное с тем, что мы видим в русском и латинском. Так же устраним в литовском и субъект. Таким образом, стативность, безличность, пассивность и размытая глагольность (когда предикат может с равным успехом трактоваться

как глагольный и именной) оказываются тесно связаны между собой. Это можно констатировать как в универсальном, так и конкретно-историческом аспекте языка.

Устранимость субъекта сближает безличные предложения внутреннего состояния с еще одним типом стативных предложений, который мы бы назвали предложениями состояния среды. Они обозначают природные явления: *Светаает; Дождит; Морозит*. В этих предложениях среда непосредственно не названа, хотя возможно и ее название: *Небо светаает (дождит); Воздух морозит*. У некоторых предикатов возможны также субъекты того типа, которые Ю.С. Степанов называет «извлеченными» (Степанов 1989), т.е. в значительной степени содержащиеся в предикате. Вместе с предикатом такие субъекты образуют так называемые этимологические фигуры: *Гром гремит; Дождь дождит; Свет светит*. Односоставные же предложения должны эксплицитно представляться так: *Светаает – (В мире светаает); Дождит – (В мире дождит)*.

Односоставные безличные предложения легко трансформируются также в именные; *Дождит – Дождь; Морозит – Мороз* и т.д. Номинализации показывают различия между внутренними состояниями и состояниями среды, а также между объективными и субъективными состояниями. Прежде всего, номинализации, допустимые у предложений состояния среды, недопустимы у предложений внутреннего состояния: *Жарко – Жара; Мне жарко (холодно) → *У меня жара (холод)*. Предложения же типа *У меня жар/озноб* вовсе не эквиваленты *Мне жарко/холодно*. Соответственно предложение объективного состояния *Я болею* трансформируется в *У меня болезнь*, субъективное *Мне больно* – *У меня боль*. Такие номинализации могут выступать также как объекты при глаголах ощущений и чувств: *Я грущу – Я испытываю грусть; Мне больно – Я чувствую боль*.

Односоставных предложений мы уже касались выше в введении и разделе о бытии. Действительно, предложения типа *Жара, Дождь, Снег* по семантике, структуре и от-

⁵ К сожалению, здесь нет возможности подробно анализировать данную форму с нулевым аффиксом. Особенность ее морфологии и семантики состоит в том, что она тематизирована. Подробности ее реконструкции см. в (Красухин 1989; 1990).

части функционированию близки бытийным предложениям и нередко рассматриваются в этом качестве. (ср. Арутюнова 1976: 229). Для этой точки зрения есть основания: действительно, язык интерпретирует данные состояния как нечто неизменное.

Но возможность их трансформации в предикаты с имплицитным временем заставляет интерпретировать их все же как предикаты состояния. Сравним две возможные трансформации односоставного предложения *Снег*: (I) – *Лежит (Всюду) Снег*; (II) – *Снежит (Идет снег)*. В первом случае речь идет о статальном факте, во втором – о процессуальном. Следовательно, *Снег* (I) есть предложение бытия, утверждающее наличие предмета, а *Снег* (II) утверждает наличие некоторого состояния (или процесса). Таким образом, предложения данного типа обозначают состояния с чисто потенциальным, почти неосязаемым имплицитным временем. Противоположны им предложения, обозначающие становление состояния, где имплицитное время вполне реально. Можно построить следующую градацию состояний: *Я заболеваю* (становление) – *Я болею* (состояние с морфологически выраженным временем) – *Я болен* (состояние без выраженного времени) – *(У меня) болезнь* (состояние, уподобленное бытию).

Уподобленность бытию может быть для предложения существенным стилистическим фактором. Если предложение *Дождь* должно эксплицитно записываться как *(В Мире дождь/дождит)*, то и предложение *Тоска* по аналогии может быть записано как *(В Мире тоска/тосливо)*. Именно такой смысл имеет название чеховского рассказа «Тоска», посвященного горю извозчика, у которого погиб сын.

Еще один вид предикатов внутреннего состояния – то, что можно назвать предикатами внешнего проявления внутреннего состояния. Они связывают собственно состояние предмета с некоторым внешним по отношению к нему реципиентом, способным воспринять это внутреннее состояние. Это предикаты, связанные с органами чувств: *пахнуть, казаться, слышаться* их и т.д. Но по-настоящему внутреннее состояние здесь

репрезентирует, пожалуй, только глагол *пахнуть*. При этом глаголе существуют два типа устранимых субъектов: субъект-локус (*Комната пахнет – В комнате пахнет – Пахнет*) и субъект-инструменталь, обозначающий источник (генератор) запаха: *Цветы пахнут – Пахнут цветами – Пахнет*.

Таким образом, категория внутреннего состояния включает в себя разнообразные по семантике и типам управления предикаты. Из приведенных выше примеров видно, что субъект и глагол соотносятся друг с другом по принципу обоюдной зависимости: наличие и трансформируемость субъекта позволяют по-разному интерпретировать глагол (как глагол действия или состояния), с другой стороны, интерпретация глагола определяет выбор субъекта. Учет этого обстоятельства позволяет внести коррективы в имеющиеся теории семантического кода.

Так, в ряде работ В.В. Мартынова предложена трехчленная атомарная схема предложения, к которой, по мнению автора, может быть сведена любая конкретная пропозиция: Имя предмета (в использованной В.В. Мартыновым терминологии – тайген) – Имя признака предмета (еген) – Имя предмета (тайген), что соответствует формуле SPO (субъект-предикат-объект). Если высказывание безобъектно, то подразумевается, что объектом действия является сам субъект (действие направляется субъектом на самого себя⁶), объект же записывается со знаком отрицания. Расширенное высказывание может включать в себя также дополнительные субъекты (неотчуждаемые и отчуждаемые процессоры) и дополнительные объекты (место приложения действия). Тогда фраза *Иван взял Анну за руку* записывается так: SS'POO' (Субъект с помощью неотчуждаемого процессора воздействует на объект через его неотчуждаемый процессор – объект приложения действия). Соответственно *Иван бреется* – SS'POO' (Субъект воздейст-

⁶ Различие между действием, которое субъект направляет на себя, и состоянием субъекта, играет важнейшую роль для описания индоевропейской системы залогов (ср. Савченко 1960; Гухман 1964; 1981).

вует на самого себя с помощью отчуждаемого процессора) (Мартынов 1977; 1982). Языковая интуиция подсказывает, однако, что предложения *Человек руками бреется* и *Человек зубами мается* вовсе не однотипны.

Их различие можно продемонстрировать, переведя глаголы в отглагольные имена: *бритье руками* – **маета зубами*; **бритье в руках* – *маета в зубах*. Следовательно, перед нами два разных субъекта и два разных предложения. Первое действительно обозначает действие, совершаемое субъектом с помощью неотчуждаемого процессора, второе – внутреннее состояние субъекта, локализуемое в определенной его части. В этом случае едва ли возможно записывать данное высказывание с помощью формулы «тайген-ёген-тайген», а схема В.В. Мартынова нуждается в дополнениях, которые бы учитывали предикаты не только действия, но также *бытия* и *состояния*.

3. Состояние-обладание. Категория обладания (пассивности) устанавливает отношение между субъектом и некоторым предметом, мыслящимся как отчужденный от субъекта; вследствие этого отношения субъект имеет возможность и/или право пользоваться и распоряжаться данным предметом. Кроме этого, обладаемый предмет может быть нетелесным; в этом случае он служит для характеристики посессора, например, через категории обладания могут быть выражены внутреннее состояние и бытие-качество.

Эта двойственность категории обладания была отмечена еще Аристотелем, который в «Категориях» (гл. XV) выделил четыре основных значений греческого глагола $\geq\chi\omega$ «держатъ, иметъ»: 1) обладать свойством или состоянием; 2) обладать количеством; 3) обладать вещью или частью тела; 4) обладать содержанием (например, сосуд содержит воду). В «Метафизике» (V, 23) предложены следующие дефиниции: 1) обращаться согласно своей природе или влечению $\equiv v\subseteq\sigma\sigma\geq\chi\epsilon\iota\tau\epsilon v \blacklozenge v\theta\rho\omega\pi\omega\nu$ «болезнь владеет человеком»; $\angle\tau\upsilon\rho\alpha\nu\nu\sigma\geq\chi\epsilon\iota\tau\blacktriangledown v\pi\subseteq\lambda\iota\nu$ «тиран владеет городом»; 2) содержать в себе как способность к воспроизведению:

($\angle\chi\Upsilon\lambda\kappa\sigma\geq\chi\epsilon\iota\tau\blacktriangledown v$ морф+ v του $\leq\gamma\Upsilon\lambda\mu\alpha\tau\sigma$, $\tau\epsilon\sigma\omega\mu\alpha\tau\approx\zeta v\subseteq\sigma\upsilon\upsilon$ «медь имеет форму статуи, тело-болезни»); 3) содержать так, что объемлющее содержит объемлемое (сосуд – воду, город – людей, корабль – моряков); 4) удерживать, не давать двигаться (колонна держит крышу). Таким образом, к обладанию Аристотель относит достаточно широкий круг предикатов, которые, в нашем понимании, относятся к различным видам бытия и состояния. Задача заключается в том, чтобы установить характерные черты именно обладания, которые отличали бы его от других категорий. Таковыми, на наш взгляд, и являются наличие двух термов в суждении и названное нами отношение между ними. Еще одно определение посессивности: «Посессивность понимается здесь как такое отношение между объектами внешнего мира, при котором один из них (объект обладания, обладаемое^R) «включается» в другой (обладатель, посессор^{Ps}), составляя с ним единое физическое и/или функциональное целое» (Категория посессивности 1989, 44). Категория посессивности, подобно рассмотренным категориям бытия, легко «сворачивается» из пропозициональных конструкций в атрибутивные (*У меня есть машина черного цвета* – *Моя машина черного цвета*). Основным же средством языкового выражения предикатов посессивности являются особые имеющиеся в каждом языке глаголы обладания; конструкция с ними выглядит так: P^s (иметь)^R. Имя посессора стоит в именительном падеже, а имя обладаемого – в винительном, так что формально такая конструкция выглядит как предложение с переходным глаголом. Но это сходство чисто внешнее: глагол обладания не обозначает воздействие на объект, он указывает на определенное состояние грамматического субъекта – обладание объектом, соответственно объект характеризуется состоянием «быть в распоряжении субъекта» (Бенвенист 1974). Как показал Э. Бенвенист в указанной работе, глагол обладания тесно связан с глаголом бытия: при трансформации объекта обладания в субъект пропозиции глагол об-

ладания не переходит в пассив; языковой универсалией является подстановка в эту конструкцию глагола бытия. В русском: *человек имеет дом* – *у человека есть дом*, причем глагол может опускаться. И глагол *иметься*, как следует из вышеизложенного – не пассив глагола *иметь*, а синоним *быть*. Аналогичная трансформация наблюдается в латыни; здесь при замене глагола обладания на глагол бытия имя посессора переходит в дательный падеж: *homo librum habet* «у человека есть книга» – *homini* (дательный падеж) *est liber*. Следует заметить, что дательный падеж в истории отдельных европейских языков заменяется на падеж с пространственным предлогом: лат. *homini* заменяется в поздней латыни на конструкцию *ad hominem* (дословно «у человека»), которая и явилась предтечей общероманской конструкции «ad + ИМЯ»: франц. *a la homme*, итал. *all uomo*, испан. *alla hombre*. В греческом языке дательный падеж конструировал с многими падежно-предложными конструкциями, в частности, дательный падеж обладания – «+ вин. п.» Ср. у Платона: $\delta\epsilon\iota\varsigma\ \upsilon\mu\acute{\iota}\nu$ «дар вам» и $\delta\epsilon\iota\varsigma\ \epsilon\theta\varsigma\ \varsigma\upsilon\theta\rho\omega\pi\omicron\upsilon\varsigma$ «дар людям» (дословно – «дар в людей»). На этапе новогреческого языка предложные конструкции совершенно вытеснили датив, и направление, а также обладание выражается здесь конструкцией « $\sigma\tau\epsilon\upsilon$ (стяженное из $\epsilon\theta\varsigma\ \tau\epsilon\upsilon$) + вин.п.» (Шарыпкин 1987, 178). Эти типологические параллели наводят на мысль о том, что русская конструкция «у + род.п.» может восходить к дативу.

Другой падеж обладателя – родительный; именно им маркируется имя посессора в атрибутивных посессивных конструкциях. В ряде языков он может выступать и как субъект при предикате бытия, обозначающем обладание. Такой генитив используется там, где речь идет об обладании какими-либо свойствами и именуется родительным характеризующим: лат. *hominia est errare* «человеку свойственно ошибаться» (дословно «человека есть ошибаться»), греч. $\text{Ο}\theta\kappa\omicron\nu\sigma\tau\epsilon\mu\omicron\upsilon\varsigma\ \varsigma\upsilon\alpha\theta\omicron\upsilon\varsigma\ \epsilon\upsilon\ \text{ο}\theta\kappa\omicron\nu\omicron\mu\epsilon\tau\omicron\nu\ \tau\text{+}v\ \omicron$

$\text{Ο}\kappa\iota\alpha\nu\ \tau\text{+}v\ \downarrow\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\varsigma\ \epsilon\sigma\tau\iota$ «хороший хозяин хорошо ведет (должен хорошо вести) свой дом».

Как показал Э. Бенвенист, категория состояния-обладания сыграла большую роль в развитии перифрастического перфекта в индоевропейских языках. Древнейший синтетический перфект обозначал состояние, в частности, состояние как результат предшествующего действия; затем он стал обозначать простую претеритальность, и его место занял оборот «ИМЕТЬ + пассивное причастие»: нем. *die Wol fer haben das Kuh gegessen*; франц. *les loups ont mange la vache*; англ. *the wolves have eated the cow*; н. греч. $\text{Ο}\iota\ \lambda\upsilon\kappa\omicron\iota\ \leftarrow\chi\omicron\upsilon\sigma\iota\ \tau\omicron\ \alpha\lambda\omicron\upsilon\gamma\delta\iota\ \epsilon\chi\omicron\mu\epsilon\nu\omicron$ «Волки съели корову».

В русском точная параллель такой конструкции представлена в северо-западных говорах: *У волков корову съедено*. Как следует из вышеизложенного, посессор выражен падежной конструкцией «у + род.п.», глагол-связка опущен, в соответствии с общими закономерностями предикатов причастие во всех примерах рассогласовано. В других восточных индоевропейских языках в аналогичной конструкции выступают также косвенные падежи: в литовском и древнеперсидском – генитив (лит. *mano kurta*, др. перс. *mana krtam* «мною сделано»), в древнеиндийском – инструменталь (*tena uktam* «им сказано»). Если инструменталь – общеиндоевропейский падеж добавочного деятеля, то генитив может трактоваться и как посессор.

Итак, обладание оказывается тесно связано с иными видами состояния, а также по сути с действием и претерпеванием, которые мы рассмотрим ниже. Тесная морфологическая и семантическая связь обладания с бытием приводит к тому, что в некоторых контекстах собственно элементы обладания утрачиваются. Такие предложения выступают формально как предложения обладания, семантически же – как предложения существования. Ср. цитату из старинной оперетты: *Есть у нас одно прелестное местечко// Под горой течет там маленькая речка...* Согласно общим правилам, эта конструкция заменяется на – *У нас имеется* и *Мы имеем*, но, ко-

нечно, здесь не может быть речи о настоящем обладании: *Мы имеем* фактически синонимично здесь *Мы знаем, Мы обращаем внимание слушателя на...* Н.Д. Арутюнова (1976, 230) с полным основанием включает такие предложения в число бытийных. Грамматически такие предложения «неподлинного» обладания вполне подобны настоящим предложениям обладания, и различаются они только благодаря данным контекста и реалиям. Когда Молчалин говорит: *Есть у меня вещицы три...*, то из контекста ясно, что обладатель волен распоряжаться обладаемым по своему усмотрению. Высказывание Репетилова: *Еще у нас два брата, Левон и Боренька, отличные ребята* имеет иной смысл: (Я принадлежу к тому же обществу, что и названные персонажи – Я и они суть обладаемые одного посессора). И, наконец, в цитированном выше куплете отношения обладания выражены чисто формально. В английском таким конструкциям соответствует *there is* «имеется», также трансформируемое в предложение обладания: *There is a sick man in my tent – I have a sick man in my tent* «У меня в палатке больной» (трансформ интерпретируется скорее как предложение существования с бытийным глаголом здесь маркировано дейктическим элементом. Это подтверждает правильность понимания подобных оборотов «неподлинного обладания» как фиксирующих внимание на некотором выделенном предмете и/или факте⁷.

Состояния-потенции, или диспозиции

Эти предикаты обозначают действия и состояния как возможность субъекта, иными словами, не обязательно реализуемую в речевом акте способность субъекта к изменению себя, окружающей среды, Мира в целом, к восприятию окружающей среды и т.д. В естественных языках состояния-

потенции выражаются несколькими способами.

1. В качестве предикатов служат оценочные (в смысле В.В. Мартынова) прилагательные (скалярные и не скалярные), выражающие способность к распространению какого-либо признака в Мире, характеризующие возможные действия: *быстрый, горячий, страшный* и т.д. От предикатов внутреннего состояния их позволяет отличить тест имперсонализации: (1) *Человек грустен* = *Человеку грустно*; (2) *Человек страшен* ≠ *Человеку страшно*. Дело в том что высказывание (1) и вторая часть (2) означает: (Человек испытывает грусть/страх), тогда как первая часть (1) – (Человек внушает (распространяет) страх). Прилагательные со значением внутреннего состояния легко переходят в категорию состояния с имперсонализацией (переходом субъекта и датив), а прилагательные потенции не допускают такого перехода. Соответственно субъект, которому предикцируется потенция отличается и от субъекта-локуса внутреннего состояния: *Печь горяча – В печи горячо; Человек горяч – *В человеке горячо*.

2. Глаголы в «абсолютном» употреблении. Сравним несколько высказываний: (1) *Человек видит* – (2) *Человек видит дом*; (3) *Мальчик читает* – (4) *Мальчик читает книгу*; (5) *Ребенок ходит* – (6) *Ребенок ходит по комнате*; (7) *Старик дышит* – (8) *Старик тяжело дышит*. В предложениях (1)–(4) глагол переходен, следовательно, согласно актантной теории (см. раздел «Действие»), он требует прямого дополнения. Однако высказывания (1) и (3) отнюдь не являются ущербными, но их смысл существенно отличается от предложений (2) и (4'). В этом нетрудно убедиться, подставляя синонимичные высказывания: (1) – (1') *Человек не слеп*; (3) – (3') *Мальчик грамотен (Мальчик умеет читать)*. Таким образом, предложения с нечетным номером обозначают возможность, не связанную с конкретной ситуацией (поэтому такое употребление глагола и именуется абсолютным, лат. *absolvere* «отвязывать»). У переходных глаголов «абсолютное» их использование выявля-

⁷ В французском объединены оба грамматических средства – глагол обладания и дейксис. Конструкция, вводящая предложения данного типа *il y a* происходит из латинского **illt inde hadet* «отсюда имеется», где *ille*, франц. *il* – показатель безличного предложения.

ется достаточно просто – благодаря отсутствию объекта. Непереходные глаголы, естественно лишены такого показателя; предложения (5) и (7) могут интерпретироваться как конкретные и абсолютные. Методы трансформации здесь не могут помочь, поэтому необходимо обращаться непосредственно к смыслу предложения и использовать модальные операторы: (5) – (5') *Ребенок может (=научился) ходить*; (7) – (7') *Старик может дышать (=Старик не умер)*. Конкретные же высказывания не нуждаются в операторе возможности, так как описывают действительность. Проблема разграничения конкретных и абсолютных высказываний возникает и тогда, когда перед нами переходные глаголы с объектами. Многие предложения, особенно с глаголами, обозначающими существенные, базовые функции субъекты, также могут быть использованы как абсолютные: *Лошадь ест овес*; *волк роет логово в земле*. У них нет формальных отличий от конкретных предложений, поэтому отличить их можно только с помощью подстановки кванторов. Если при субъекте возможен йота-оператор, (соответствующий определенному артиклю в естественном языке), предложение конкретно; при наличии квантора общности или существования высказывание абсолютно: *Все лошади едят овес*; *Некоторые волки роют логово в земле*. Аналогично, если объект требует квантора общности или существования, высказывание абсолютно; если же при нем ставится йота-оператор, то статус высказывания зависит от оператора при субъекте. Таким образом, можно следующим образом записать конкретные и абсолютные высказывания в терминах символической логики:

(1)	$(ix\ iy)(xRy)$	конкретно
(2)	$(\forall x)(xRy)$	абсолютно
(3)	$(\exists x)(xRy)$	абсолютно
(4)	$(x\ \forall y)(xRy)$	абсолютно
(5)	$(x\ \exists y)(xRy)$	абсолютно

(x – субъект, y – объект, R – связывающий их предикат-отношение).

Следовательно, высказывание (1) есть суждение о конкретном действии конкретно-

го индивида; высказывания (2) и (3) суть суждения о необходимых и возможных потенциях-действиях некоторого класса индивидов; высказывания (4) и (5) – о потенцированных претерпеваниях (необходимых и возможных) некоторого класса индивидов. Если в кванторном предложении находится терм с йота-оператором, то такое предложение высказывает нечто о потенциях конкретного индивида: $(ix\ \exists y)(xRy)$ *Пётр ест (= употребляет в пищу) кашу*; $(\forall x\ iy)(xRy)$ *(На бедного Макара все шишки валятся)*. Если же квантор общности приписан обоим термам, то высказывание трактует родовое действие.

Итак, чем менее конкретны условия, в которых существует предметная область высказываний, тем больше шансов трактовать предикат как потенцированный (абсолютный, диспозиционный), ср. текст, составленный из предложений диспозиции в кн: (Степанов 1981, 155-6). Сему множественности может нести не только терм, но и предикат. Так, для русского языка можно установить следующее правило: если в данном глагольном корне существует форма однократного и многократного действия, то в абсолютном значении может быть только форма многократного действия: *Птица может летать – Птица летает ($\neq$ Птица летит)*; *Старик может ходить (= Старик не парализован) = Старик ходит ($\neq$ Старик идет)*. Если же многократная форма грамматически производна от однократной, то и в этом случае она имеет оттенок абсолютности: *Писатель пописывает, читатель почитывает*.

Выше мы говорили об операторах при непереходных глаголах. Естественно, модальные операторы можно приписать любому высказыванию в абсолютной функции. Общие правила таковы: высказывание с квантором общности эквивалентно высказыванию с оператором «необходимо»; высказывание с квантором существования эквивалентно высказыванию с оператором «возможно (соответственно отрицание квантора общности – «необязательно», а отрицание квантора существования – «невозможно», (Фейс 1974, 42-3)).

3. В некоторых неиндоевропейских языках абсолютные и конкретные высказывания различаются морфологически. Так, по мнению Э. Кошмидера, в турецком языке различаются высказывания *odun yagar* «дрова горят (= способны гореть)» и *odun yaniyor* «дрова горят (в данный момент)». Koschmieder 1965; ср. Теория 1987; Бондарко 1992). В восходящих к трудам Э. Кошмидера теориях функциональной грамматики абсолютную функцию высказывания именуют временной нелокализованностью.

Состояние претерпевания

Эта категория указывает на то, что субъект подвергается неконтролируемому им воздействию со стороны внешней силы. Самостоятельной значимости она не имеет, так как целиком производна от действия. Следует различать претерпевание актуальное и результативное. Первое означает, что субъект в определенное время подвергается воздействию, второе – что воздействие произошло раньше обозначенного в речевом акте времени, и субъект находится в состоянии, вызванном этим воздействием. Тем самым претерпевание оказывается связано с разными аспектами бытия и состояния. Поэтому в естественных языках оно выражается различными морфологическими средствами. Претерпевание может обозначаться глагольными формами внутреннего состояния (древнегреческий пассивный аорист), так называемыми возвратными и медиальными глагольными формами, изначально указывавшими на то, что субъект совершает действие для самого себя, по отношению к самому себе (глаголы возвратной частицей в скандинавских и отчасти в славянских языках, медиальные формы с пассивным значением в греческом, хеттском и готском); результативное претерпевание обычно выражается специальным пассивным причастием прошедшего времени. Это же причастие с глаголом становления может быть выразителем актуального претерпевания (немецкий язык).

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М., 1976.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974.
3. Бондарко А.В. О работах Э. Кошмидера по универсальной грамматике // Вопросы языкознания. – 1992. – № 3.
4. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М., 1990.
5. Вригт Г.Х. Логико-философские исследования. – М., 1986.
6. Гухман М.М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. – М., 1964.
7. Гухман М.М. Историческая типология и проблема дахронических констант. – М., 1981.
8. Исаченко А.В. О так называемой «категории состояния» // Вопросы языкознания. – 1955. – № 3.
9. Красухин К.Г. Значение оппозиции атематических и тематических глагольных основ для индоевропейской реконструкции // Сравнительное изучение языков разных семей: Реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры. – М., 1989.
10. Красухин К.Г. Некоторые проблемы индоевропейского синтаксиса (в связи с выходом книги Ю.С. Степанова «Индоевропейское предложение») // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6.
11. Мартынов В.В. Универсальный семантический код. – Минск, 1977.
12. Мартынов В.В. Категории языка. – М., 1982.
13. Поспелов Н.С. Избранные работы по русскому языку. – М., 1990.
14. Савченко А.Н. К вопросу о происхождении среднего залога в индоевропейских языках. Ростов-на-Дону, 1960.
15. Селиверстова О.Н. Категория обладания в английском языке // Категории бытия обладания в языках мира. – М., 1977.
16. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. – М., 1981.
17. Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. – М., 1989.
18. Теория функциональной грамматики: Временная локализованность. Аспектуальность. Таксис. – Л., 1987.
19. Фейс Р. Модальная логика. – М., 1974.
20. Шарыпкин С.Я. Развитие системы падежей в греческом // Язык и стиль античных авторов. – Л., 1987.
21. Koschmieder E. Studien zur vVerbalsemantik. München, 1965.
22. Kuryłowicz J. Les desinences moyennes en indo-européen et hittite // Bulletin de la Société de linguistique de Paris, 1933, v. 28.
23. Kuryłowicz J. L'apophomie en indo-européen. Wrocław, 1956.
24. Rosén H. Uterum dolet und Verwandtes // Rosen H. East and West. München, 1982.